Падме, спотыкаясь, спускается по посадочному трапу в объятия Энакина. Ее глаза сырые и онемевшие; как только она оказалась внутри корабля, ее эмоциональный контроль окончательно расшатался, и она прорыдала всю дорогу, плача от неумолимого, разрушающего разум ужаса, и поэтому ее губы распухли, а все тело содрогается, и она так благодарна, так невероятно благодарна, что снова заливается слезами: благодарна, что он жив, что он идет по посадочной палубе ей навстречу, что он по-прежнему силен и красив, что его руки по-прежнему теплые вокруг нее и его губы мягко касаются ее волос.

"Энакин, мой Энакин..." Она прижалась к его груди. "Я так испугалась..."

"Почему?"

"Тише, тише, все в порядке". Он гладит ее по волосам, пока дрожь не утихает, затем берет ее за подбородок и осторожно поднимает ее лицо, чтобы она посмотрела ему в глаза. "Тебе никогда не нужно беспокоиться обо мне. Разве ты не поняла? Никто не сможет причинить мне боль. Никто и никогда не причинит вреда ни одному из нас".

"Дело не в этом, любовь моя, дело в том, что... Энакин, он говорил о тебе такие ужасные вещи!"

Он улыбается ей. "Обо мне? Кто бы хотел говорить обо мне плохие вещи?" Он заставляет себя усмехнуться, хотя ему было ненавистно все, что произошло накануне. "Кто посмел бы?"

"Оби-Ван." Она размазывает слезы по щекам. "Он сказал... он сказал мне, что ты перешел на темную сторону, что ты убивал джедаев... даже юнцов..."

От того, что она произнесла эти слова, ей стало легче; теперь все, что ей остается, - это отдохнуть в его объятиях, пока он держит ее, обнимает и обещает, что никогда не сделает ничего подобного, и она начинает полуулыбаться, глядя ему в глаза...

Но вместо света любви в его глазах она видит лишь отблески лавы.

Он не говорит: "Я никогда не смогу перейти на темную сторону".

Он не говорит: "Убивать юнцов? Я? Это просто безумие".

Он говорит: "Оби-Ван жив?".

Его голос падает на октаву и становится холоднее, чем мурашки, распространяющиеся от основания ее позвоночника.

"Да... Он сказал, что ищет тебя..."

"Ты сказала ему, где я?" спросил Энакин, и хотя какая-то часть... большая часть его не хотела убивать Кеноби, оставался холодный и жестокий факт, что он был единственным человеком, удерживающим его от достижения той силы, о которой говорил Палпатин.

"Нет, Энакин! Он хочет убить тебя. Я ничего ему не говорила - я бы не стала!" плачет Падме.

Вейдер заставляет себя выдавить: "Очень жаль".

"Энакин, что... - пытается она говорить.

Энакин усмехается, хотя на самом деле он не злился ни на жену, ни на Оби-Вана: "Он

предатель, Падме. Он враг государства. Он должен умереть".

"Прекрати", - отвечает она. "Перестань так говорить... ты меня пугаешь!"

"Это не тебе надо бояться".

"Это как... это как..." Слезы снова наворачиваются на глаза. "Я даже не знаю, кто ты теперь..."

"Я человек, который любит тебя", - говорит он, но произносит это сквозь стиснутые зубы, в которых внезапно закипает гнев. "Я человек, который готов на все, чтобы защитить тебя. Все, что я делал, я делал ради тебя".

"Энакин..." Ужас сжимает ее голос до шепота: маленькая, хрупкая и очень юная. "...что ты сделал?"

И она молится, чтобы он не ответил.

"Я сделал то, что принес мир Республике".

"Республика мертва", - шепчет она. "Вы убили ее. Вы и Палпатин".

"Она должна была умереть".

Начинаются новые слезы, но они не имеют значения; у нее никогда не будет достаточно слез для этого. "Энакин, мы можем просто... уйти? Пожалуйста. Давай уйдем. Вместе. Сегодня. Сейчас. Пока ты... пока ничего не случилось..."

"Ничего не случится. Ничего не может случиться. Пусть Палпатин называет себя Императором. Пусть. Он может сделать всю грязную работу, все грязные, жестокие притеснения, которые потребуются, чтобы навсегда объединить галактику - объединить ее против него. Он превратит себя в самого ненавистного человека в истории. И когда придет время, мы сбросим его..."

"Энакин, прекрати..."

Энакин не хочет ничего другого, кроме как смириться. Ему не нравится убивать юнцов и разрушать Орден, который он когда-то давно называл своим домом. Вот почему он плакал в Центре управления на этой планете, вот почему он ненавидит себя с этого момента. Он почти сразу начал раскаиваться в содеянном, но в то же время чувствовал, что совершенные им злодеяния уже привели его на тот путь, по которому он идет.

Ситуация осложняется еще и тем, что он носит в себе множество психологических травм, полученных во время войны и рабского воспитания. Ему не чуждо зрелище умирающих детей. Многие люди, пережившие подобный ужас, учатся отключаться от своих действий и, по сути, действуют на автопилоте. Соедините это с, несомненно, переполняющим чувством силы, вызванным сознательным обращением к темной стороне...

"Разве вы не видите? Мы будем героями. Вся галактика будет любить нас, и мы будем править. Вместе." Энакин продолжает, но бывший джедай не уверен, пытался ли он убедить себя или ее.

"Пожалуйста, перестань... Энакин, пожалуйста, перестань, я не могу этого вынести..." , - умоляет она.

Он не слушает ее. Он не смотрит на нее. Он смотрит куда-то за ее плечо.

В его глазах горит дикая радость, а лицо перестало быть человеческим.

"Ты..."

Из-за ее спины доносится спокойный, точный голос с резким акцентом Корусканти: "Падме. Отойди от него".

"Оби-Ван?" Она поворачивается, а он стоит на посадочной рампе, неподвижный и печальный. "Нет!"

"Ты", - прорычал голос, который должен был принадлежать ее любимому. "Ты привела его сюда..."

Она обернулась, и теперь он смотрел на нее. В его глазах полыхало пламя, прекрасных глаз больше не было, их заменил демон, дьявол из самого ада Силы.

"Энакин?"

"Падме, отойди". В голосе Оби-Вана прозвучала настоятельная просьба, более похожая на страх, чем Падме когда-либо слышала от него. "Он не тот, за кого ты его принимаешь. Он причинит тебе вред".

Губы Энакина отслаиваются от зубов. "Я бы поблагодарил тебя за это, если бы это был дар любви".

Дрожа, качая головой, она начала отступать. "Нет, Энакин, нет..."

"Палпатин был прав. Иногда самые близкие не видят. Я слишком сильно любил тебя, Падме". Вейдер зарычал, глядя на женщину, ради безопасности которой он готов был сровнять с землей все планеты. Она предала его! Она заплатит за свой обман! Они оба заплатят!

Он сжал кулак, и она не смогла вздохнуть.

"Я любил тебя слишком сильно, чтобы видеть тебя! Чтобы видеть, какая ты!"

На мир опускается красная пелена. Она вцепилась в горло, но там нет ничего, к чему могли бы прикоснуться ее руки.

"Отпусти ее, Энакин".

В ответ он рычит, как хищник, над телом своей жертвы. "Ты не отнимешь ее у меня!"

Она хочет закричать, умолять, завывать: "Нет, Энакин, прости! Прости... Я люблю тебя..., но запершило в горле, задушило правду в голове, и красная пелена мира поплыла к черной.

"Отпустите ее!" отчаянно кричит Оби-Ван, не веря своим глазам. Как мог милый Энакин Скайуокер стать таким чудовищем?

"Никогда!"

Земля проваливается под ней, а затем белая вспышка удара уносит ее в ночь.